

Мария Литовская
Кризис института литературы:
очаги сопротивления

Ламентации, в принципе характерные для русской культуры¹, занимают немалую часть жизни современного российского литературоведа: статус филологической науки безвозвратно понижается, меняется положение художественной словесности — материала, с которым работает историк и теоретик литературы. Иными словами, литературоцентризм на глазах уходит в прошлое².

Что филолог-преподаватель связывает с этим понижением? Ставшую обычной практику выведения «науки о литературе» из числа «приоритетных научных направлений» при распределении грантов на научные исследования. Сокращение в разы мест для субсидируемого государством обучения студентов на отделениях русской филологии в ВУЗах (типичная ситуация: в 1991 году в Уральском государственном университете было 70 бюджетных мест; в 2001 — 40; в 2014 — 14), обусловленное, как уверяют, утратой общественной необходимости в воспроизводстве филологов. Это, в свою очередь, связывается с неслучившимся возвращением предмета «Литература» в число обязательных для школьного Единого государственного экзамена, заменой его «обществоведением» при приеме на большинство гуманитарных отделений вузов.

© Мария Литовская. 2015

© TSQ № 53. Summer 2015

¹ См. об этом главу «Литании и ламентации: дискурсивное искусство страдания» в: Рис, Нэнси. «Русские разговоры»: культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: НЛЮ, 2005, с.158–217.

² См. об этом, например: Кризис литературоцентризма: утрата идентичности vs новые возможности. Отв. ред. Наталья Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2014, с. 5–7; 11–26; 138–157; 179–206.

В итоге учителей литературы в средней школе надо меньше, чем раньше. Что, в свою очередь, ведет к сокращению преподавательских мест в университетах, слиянию кафедр, отпочковывавшихся друг от друга в 1960-1980-е годы. При этом именно вузовские преподаватели составляют значительную часть профессиональных филологов. Проходящая реструктуризация Российской Академии наук также предполагает уменьшение количества мест исследователей.

Таким образом, в первую очередь, речь идет о резком сокращении государственной финансовой поддержки филологов. А уже во вторую — о вымывании серьезной литературной критики из печатной и электронной периодики, слабой известности научных книг по литературоведению, размывании границ дисциплины. Наконец (научное сообщество должно воспроизводиться, и новые его участники должны обладать определенными профессиональными навыками), о постепенном, но неуклонном снижении качества обучения чтению, то есть возможной грядущей утрате компетентного читателя.

Перечисленные явления относятся к разным сферам существования филологии. Но в совокупности они формируют у самих филологов ощущение тотальной зависимости от неблагоприятных внешних обстоятельств, чувство тревоги, беды, наконец, вины за то, что именно при них происходят столь драматичные события.

Мало кого утешает, что кризисные процессы связаны с трансформациями существования самого феномена книги³. Филологическое сообщество, по определению, является средой, сориентированной на саморефлексию, в том числе и профессиональную. Естественно, что в меняющихся не в пользу литературоведения условиях встает вопрос об элементарном выживании: где работать? чему учить? что делать предметом научных исследований? Критическая ситуация побуждает к

³ См., например: Гаврилов, Александр. Тезисы к выступлению на III международном форуме по культурному наследию: <http://agavr.livejournal.com/1330130.html>; Кондаков, Игорь, Соколов, Николай, Хренов, Николай. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и цивилизационный аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011, с. 501–522; 770–796; 946–993.

неминуемому сопротивлению обстоятельствам, цель которого — изменить ситуацию в свою пользу или хотя бы стабилизировать ее.

Если не брать «первую реакцию», то есть стремление решить проблему за счет перераспределения скудеющих материальных вливаний, воюя с лингвистической половиной академической филологии, то открываются три пути.

Первый, хорошо знакомый, — своего рода научный эскапизм. Попытка не обращать внимания на происходящее, продолжать, несмотря ни на что, заниматься своим делом и направлением исследования. Ученое сообщество продолжает в разных формах обсуждать традиционные проблемы литературоведения. Подозреваю, что во многом стремление к охране границ своей науки приводит к тому, что не уменьшается число семинаров, симпозиумов, конференций, печатных и электронных изданий. Внутри литературоведения поддерживается необходимая профессиональная дискуссионная дисциплина, становятся актуальными и утрачивают актуальность темы, появляются и обкатываются новые подходы и методики, вводятся и обсуждаются термины. Эти внутринаучные изменения практически незаметны «снаружи», они не приносят видимой «пользы», поддерживают впечатление элитарности и герметичности литературоведения. Вызывающий обычно административное недоумение и раздражение подобный путь внутри профессионального сообщества воспринимается (и всегда воспринимался) как почтенный, одобряемый, осененный авторитетом выдающихся филологов, идеологически противостоящих академической рутине или административно-политическому давлению.

Второй путь, по которому, видимо, тоже так или иначе, хотя бы раз, пытался идти каждый филолог, — это, с одной стороны, ознакомление с выводами литературоведческой науки исследователей других специальностей с целью привлечения их к ним; с другой — выход за пределы «традиционных» филологических тем и методик. Если проследить, как менялся массив литературоведческих тем за последние лет двадцать, несложно заметить, что филологи охотно откликались на

запросы широко понимаемой гуманитарной науки и поставляли материал для постколониальных, гендерных, политических и прочих studies, урбанистики, регионалистики, антропологии и т. п. Такое положение дел неудивительно: художественной литературой за века существования накоплен огромный массив текстов, которые, помимо всего прочего, являются еще и свидетельствами повседневного существования и духовных взлетов человека. Оценивая этот путь, кто-то усматривает в нем «колебания вместе с линией партии», кто-то — желание присоединиться к «чужим» источникам финансирования, кто-то — стремление освоить новые смежные области знания. Заметим, впрочем, что он также осенен авторитетом знаменитых филологов, вспомним, хотя бы, как менялись, в том числе и вынужденно, но плодотворно, направления исследований русских формалистов⁴.

Третий путь, по которому идет филология, — популяризация филологического знания, его адаптация для «простых» людей. Предпринимаются попытки вывести литературоведение за пределы узкого круга специалистов. Так, возникают открытые лектории при университетах, пишутся учебники и научно-популярные книги, электронная академия «Арзамас» предлагает бесплатные материалы «о самых интересных в мире вещах» — «гуманитарном знании»⁵ и т. п. У всех этих проектов есть поклонники, но пока широкого успеха они не завоевали: транслируемое ими знание слишком специально, потребность в нем слабо сформирована, актуальность его — при всей занимательности — неочевидна.

Но все же именно на пути популяризации у филологов больше всего видимых результатов. Острота переживаний, связанных с происходящим на глазах перекраиванием профессионального поля, заставляет забыть, что оно происходит на фоне множества книжных фестивалей, ярмарок, салонов,

⁴ Чудакова, Мариэтта. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1986, с. 103–131.

⁵ См. материалы сайта академии: <http://arzamas.academy/>.

олимпиад. Их программы интересны и разнообразны. Организаторы, набившие за последние годы руку, научились охватывать разные слои населения, использовать формы диспутов и круглых столов, встреч с писателями и учеными, мастер-классов, конкурсов, дискуссий, слэмов и т. п.

Главный союзник филологов здесь — собственно, литература и как совокупность текстов, и как сообщество литераторов. «Чем чаще произносится слово „литература“, чем больше её чтут и рекомендуют, тем это лучше и правильнее. В конце концов, хорошо или плохо я пишу, но это дело моей жизни, и всякое уважение к этому делу мне приятно», — высказывает мнение, близкое многим авторам, писатель и активный культуртрегер Дмитрий Быков⁶. Какой бы уровень функционирования литературы как социального института в России мы ни взяли (издательства, книжные магазины, бумажные и электронные издания, библиотеки), везде видим усилия, пусть даже разрозненные, но в совокупности подтверждающие нежелание филологического сообщества оставлять социальное пространство без боя.

Во многом упорство обусловлено хорошими предпосылками для существования художественной литературы и литературоведения в России. Культура и классическая литература как важнейшая ее часть в России пока продолжают оставаться «предметом обихода». Как заметил Захар Прилепин, «большинство живет плюс-минус в этом контексте. Читая или не читая, слушая или не слушая — не важно: Пушкин, Есенин, Чайковский и Свиридов все равно часть нашего кровотока. Даже если полстраны слушает шансон — они в курсе, что есть „иной суд“, „высшая планка“. Тем более что у нас есть и другая половина страны. Я это пишу из Индии — где для 97—99% населения, насколько я могу понять, колоссальные свои национальные запасы — философские и религиозные — вообще не рассматриваются как предмет осмысления. В целом Индия, за исключением 2—3% интеллектуалов, живет вне своего богат-

⁶ Быков, Дмитрий. Даже в блокаду выживали те, кто мог занять свой мозг чтением // *Аргументы и факты*. 2015, 11 марта. Цит. по: <http://www.aif.ru/culture/person/1463934>.

ства. <...>⁷. В этом высказывании легко, конечно, усмотреть и шовинизм, и лакировку действительности, но вряд ли можно отрицать, что два века просветительских усилий в России не прошли даром. За это время было воспитано население, умеющее читать длинные и сложные тексты, рассуждать о литературе как на обыденном уровне, так и более или менее профессионально. Уже в 1960-е годы существовал массовый искушенный и эрудированный читатель, способный уловить и правильно понять не только поверхностный, но и глубинный смысл текста. Была сформирована уверенность, что литература — это национальное достояние, с которым нужно быть более или менее досконально знакомым. Наконец, сложилась авторитетная традиция видеть в литературе средство не столько развлечения, сколько духовного развития и просвещения народа. В обществе до сих пор сильна надежда на возможность выработать некие идеальные программы, списки, учебники, которые помогут научить всех понимать «настоящую» литературу так, «как надо».

За годы советской власти все также привыкли к тому, что литература — это, по словам Владимира Маяковского, «старое, но грозное» идеологическое оружие. И в этом качестве она (вместе с ней и литературоведение как интерпретатор, проговаривающий то, что «спрятано» в художественном тексте, или «вчитывающий» в текст необходимые смыслы) надеялась сверхзначимостью и — на самом высоком государственном уровне — получала поддержку или порицание. Такое положение имело свои плюсы (все, что помогало утверждать идеологию, поддерживалось в СССР, в том числе и финансово) и свои минусы (все, что помогало утверждать идеологию, особенно пристально контролировалось государством).

Литературное сообщество со свойственным ему достаточно высокими образовательным уровнем и социальной активностью участников, конкуренцией образующих его структур и групп, свободно формирующимися мнениями, отсутствием

⁷ Прилепин, Захар. Лермонтов и Чехов говорят на нашем языке: <http://cont.ws/post/81223/>.

государственного патронажа является важнейшей частью потенциального гражданского общества. Заинтересованное в собственном выживании, используя потенциал литературы как вида искусства и авторитетной человеческой деятельности, оно постоянно провозглашает свою значимость, незаметность, привлекательность, стремится расширяться за счет привлечения новых людей.

Очевидно, что стремление многих современных литераторов стать медийными лицами (Борис Акунин, Дмитрий Быков, Эдуард Лимонов, Захар Прилепин, Татьяна Толстая, Сергей Шаргунов, и т. п.) — колумнистами, блоггерами, ведущими и участниками ток-шоу, членами жюри различных конкурсов, телевизионными экспертами — это не только часть их личного проекта по самопродвижению, но и стремление определять идеологическую ситуацию, становиться «лицом» общественных сил. В этом смысле сходные функции выполняют все проекты профессиональных литераторов. Можно перечислять наугад, что вспомнилось. Премия издателей «Книжный червь» (издатели)⁸ и детская премия «Книгуру»⁹, кружки любителей (на все вкусы) литературы при библиотеках разного уровня, ежегодная всероссийская акция Библионочь¹⁰, летние библиотеки под открытым небом¹¹, конкурсы «Книжный эксперт XXI века»¹² и «Новая детская книга»¹³, создание книжных клубов-магазинов разной направленности, Институт книги¹⁴ и т. д., и т. п. Какие-то проекты существуют долго, ка-

⁸ См. условия конкурса: http://www.vitanova.ru/knizhniy_cherv/.

⁹ См. сайт конкурса: <http://kniguru.info/>.

¹⁰ См. информацию о мероприятии: <http://biblionight.info/>.

¹¹ См., например, выходящее в Екатеринбурге интернет-издание, специализирующееся на культурной журналистике: Ханчин, Дмитрий. День. Улица. Дендрарий. Книга. Осмысленный и яркий свет:

http://kulturmultur.com/news/116/Den_Ulica_Dendriy_Kniga_Osmyslenny_i_yarkiy_svet_11_06_2015/.

¹² См. призыв участвовать в конкурсе:

http://www.papmambok.ru/konkurs_knizhnyy_ekspert_xxi_veka/.

¹³ См. условия конкурса: <http://rosmanpress.livejournal.com/>.

¹⁴ См. сайт организации: <http://bookinstitute.ru/>

кие-то умирают. Но — и это важно — их число не становится меньше.

Анализируя роль фестивалей как «арены общественного восхищения», Александр Долгин замечает, ссылаясь на модель Веблена-Зиммеля: «Образцы создаются элитами, а затем их перенимают другие социальные слои — упрощенно, но в целом копируя и воспринимая — от одежды до формы поведения и отдыха. <...> Совместно с системой, которая „сверху“, работают и встречные, входящие потоки „снизу“. Стрит-арт, граффитчики, контркультуры, народные фестивали. У разных социальных слоев разные жизненные ценности. Фестиваль как раз то место, где они имеют шанс встретиться»¹⁵. Общая цель подобных литературных мероприятий и объединений — создавать и поддерживать необходимую среду — тех, кто любит и готов обсуждать литературу. Как говорит Майя Кучерская, создатель «Creative Writing School», «наш проект призван собрать литераторов вместе, совсем юных и многоопытных, погрузить их в общий котел обсуждений, споров, чтений, дать им возможность не только сочинять, но и говорить о любимом деле»¹⁶.

Но о каком бы проекте ни шла речь, авторы его на каком-то этапе начинают жаловаться на невнимание к ним со стороны медиа. Есть, конечно, немногочисленные издания, специализирующиеся на освещении культурной жизни, книжные навигаторы, вроде электронного журнала «Прочтение», разделы о книгах в культуртрегерских средствах массовой информации разного уровня. Но в целом художественная литература постепенно уходит из повестки «культурной журналистики». В лучшем случае она заменяется иными видами искусства (в первую очередь, кино и музыкой) или же включается в освещение широко понимаемого *lifestyle*, в виде, например, аннотаций модных или полезных книг, обычно связанных с определенным видом деятельности потенциального читателя («10 книг для отпуска» и т. п.). Литературные тексты и

¹⁵ Долгин, Александр. Культуры много не бывает // Огонек. 15.06.2015. <http://www.kommersant.ru/doc/2743785>.

¹⁶ См.: Кучерская, Майя. Creative Writing School: <http://litschool.pro/>.

литературные события, даже такие крупные, как книжные ярмарки (КрЯЖК, «Non-Fiction», Московская книжная ярмарка, «Книжный салон» в Санкт-Петербурге), разного уровня литературные премии, редко превращаются в информационный повод для журналистики. «Игра в бисер» — название телепередачи канала «Культура», посвященной анализу литературных текстов, говорит само за себя.

Медиа, особенно, связанные с государственными каналами, конечно, формируют «повестку дня», но они же зависят от нее, фиксируя наличную ситуацию. Конечно, нельзя сказать, что интерес к чтению в России совсем угас. Достаточно поглядеть читательские поисковики (например, «Что читать»¹⁷) списки книг, в том числе и весьма специальных¹⁸, которыми обмениваются читатели, любительские сайты, посвященные творчеству любимых авторов или даже отдельным текстам. Но показатели фиксируют, что все больше молодых людей не обладают достаточным уровнем функциональной грамотности по чтению (по результатам PISA-reading в 2012 году у России — 41 результат, причем это ниже результатов России по математической и естественнонаучной грамотности¹⁹), а значит, не готовы читать сложные тексты. Даже поверхностные эмпирические наблюдения показывают, что круг чтения, знакомство с новой художественной литературой перестали определять не только «общую культуру», но и профпригодность в среде преподавателей-филологов и библиотекарей; профессиональные рефлексии по поводу литературных текстов оказываются все менее востребованными, и т. д.

Книгопродавец, издатель, организатор реформирования библиотечной системы в Москве Борис Куприянов на вопрос журналистов о непрочности создаваемой литературным сооб-

¹⁷ Сайт сообщества читателей: <http://chto-chitat.livejournal.com/>

¹⁸ См., например, сайт «Забывтые детские и подростковые книги»: <http://www.livelib.ru/selection/14444#books>.

¹⁹ Programme for International Student Assessment (PISA): Key findings: Pisa 2012 Results: Overview: <http://www.oecd.org/pisa/keyfindings/pisa-2012-results-overview.pdf> (подсчет на основе таблицы на с. 5); см. и данные по отдельным странам (PISA: About PISA: PISA 2012 participants...), для России: <http://gpseducation.oecd.org/CountryProfile?primaryCountry=RUS&treshold=10&topic=PI>.

ществом «ярмарочной, мобильной инфраструктуры» ответил, что главная болевая точка, на его взгляд, в другом: «Проблема ведь не в „материи“, не в логистике и всем таком, а в „духе“. Есть дефицит идей, атмосферы правильной, а не условных книг. Книги есть — можно через „Озон“ все заказать; читателей нет»²⁰.

Парадокс современной российской ситуации состоит в том, что литераторы готовы выполнять прежнюю роль в качестве идеологов, поддерживающих или — напротив — критикующих политику и политиков постсоветской России, есть пока и читатели литературы, но государство непривычно минимизировало свое участие в «использовании» современной литературы и литераторов, перестав быть направляющим посредником между литературой и обществом.

Исторически сложилось, что именно литература — то безоговорочно выдающееся, что создала Россия за время своего существования как государства. Классическая литература (особенно триада Толстой-Достоевский-Чехов) поднимает авторитет страны в глазах мирового сообщества, и значит, является государственным делом. Неудивительно, что российское руководство предложило обществу, по сути, легализовав существующее положение вещей, удобный выход — гордиться великой отечественной литературной классикой. Для этого возвратили сочинение «на литературно-общественную» тему в качестве обязательного выпускного экзамена в 11 классе, организовали при Президенте РФ Ассоциацию преподавателей русского языка и литературы высшей школы²¹, включили фрагмент о литературе в церемонию закрытия Олимпийских игр в Сочи²², 2015 год объявили Годом литературы с обязательным планом мероприятий, ответственными, сроками выполнения²³ и т. п. На открытии Года литературы президент России

²⁰ Куприянов, Борис. Те ужасы, которые книга переживает в нашей стране, пережить невозможно // *Афиша. Воздух*. 22 апреля 2015.

²¹ См. сайт организации: <http://www.ruslitvuz.ru/>.

²² Закрытие Олимпиады в Сочи: <https://www.youtube.com/watch?v=FAv9MJm5yIQ> (1:53:22-1:57:35).

²³ См. сайт Года литературы: <https://godliteratury.ru/>.

Владимир Путин прямо провозгласил, что «цель самого проведения Года литературы — напомнить об исключительной ее, литературы, значимости и ее особой миссии»²⁴.

Символика Года литературы кое-что проясняет в современной ситуации: узнаваемые классики — Пушкин, Гоголь, Ахматова, отобранные по принципу характерности профилей, изображены в цветах российского государственного флага. Логотип явно выполнен не без иронии, напоминая старшему поколению о канонических изображениях классиков марксизма, отсылая к устойчиво насмешливой интонации, с которой в России сегодня произносят сакраментальную цитату из Аполлона Григорьева: «Пушкин (= великая русская литература) — наше все!», подразумевая, что это явное преувеличение. Тем не менее, государство в прямом смысле слова подняло на флаг литературную классику как национальное достояние.

Государство готово продолжать поддерживать обучение подрастающего поколения навыкам чтения, выделять средства на Государственную премию для литературы, работающую в нужном государству ключе, спорадически участвовать в демонстрации знаков уважения к классикам (установка памятных знаков, поддержка домов-музеев, финансирование некоторых юбилейных мероприятий, цитирование знаменитых авторов в официальных речах и т. п.) и литературе как социальному институту (проведение Года литературы, организация фестиваля «Книги России» на Красной площади, встречи президента страны с писателями и т. п.). Прочие виды господдержки проблематичны.

Это в принципе неудивительно. Современное развитое государство по определению должно иметь многоаспектную литературную жизнь, но проблема в том, что активность литературного сообщества довольно сложно контролировать: старые механизмы перестали работать, а созданием новых не озаботились. Читать, конечно, лучше, чем громить витрины, но чтение, как признают сами литераторы, «учит» человека «частно-

²⁴ Путин, Владимир. Речь на открытии Года литературы: <http://onf.ru/2015/01/29/putin-cel-provedeniya-goda-literatury-napomnit-ob-isklyuchitelnoy-znachimosti-literatury/>.

сти человеческого существования»²⁵ и формирует революционеров. С одной стороны — литературовед может при желании увидеть в литераторе нужное государству «зеркало русской революции», с другой — не лучше ли поручить этот поиск проверенному пропагандисту? В обществе, где доминирует ситуация рассогласования ценностей, когда, грубо говоря, классическая литература говорит одно — медиа навязывают другое — жизнь предлагает третье, определить, что читать, зачем читать, чему может научить литература, мягко говоря, сложно. И тогда предлагается простое решение. Раз литература непонятно чему должна учить, разговор о ней можно свести к минимуму в средней школе. Достаточно, чтобы учащийся запомнил списки знаменитых имен, текстов и лиц, которыми он потом сможет гордиться.

По сути, государство предложило обществу возвратиться к досоветской модели отношений литературы и государства, только с всеобщей письменной грамотностью. Каждый желающий в принципе может стать читателем или критиком любой степени квалификации, но централизованно предлагать этот способ самореализации как престижный официально никто не собирается. Не собирается также напоминать о значимости чтения для духовного развития личности, о том богатстве, которого человек лишает себя, исключая из своей жизни серьезную художественную литературу. Более того, неявно, но постоянно из разных источников транслируется идея о том, что чтение немассовой литературы — занятие времязатрачивающее, непонятное, не совсем понятно, зачем нужное: современный человек и так читает и пишет много текстов, например, в социальных сетях; экранизация заменит толстый роман, цитата в рекламе или мотиваторе — стихотворение; детектив или «розовая» мелодрама в случае необходимости развлекают и отвлекают; занятия спортом принесут больше пользы, чем сидение над книгой и т.п.

Интерес к серьезной художественной литературе, конечно, сохраняется у некоторой части людей, но кровно заинтересо-

²⁵ Бродский, Иосиф. Нобелевская лекция // Собр. соч.: В 7 тт. СПб.: Пушкинский фонд. Т. 6. 2000, с. 44-54. с. 45.

ванным в сохранении института литературы сообществам неизбежно приходится принимать как данность сформулированный литераторами же Ильей Ильфом и Евгением Петровым принцип «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих» и продвигать всеми доступными средствами интересы профессионального сообщества. Отгонять, согласно Пушкину, «дух праздности унылой». Подобно фадеевскому Левинсону в финале «Разгрома», переставать «плакать; нужно было жить и исполнять свои обязанности».